

ческая, а именно воображение, наш разум не в состоянии подняться до некоторых вещей (ибо воображение лишено возможности помочь ему), как-то до субстанций, отрешенных от материи; способные составить себе некоторое представление об этих субстанциях, мы тем не менее ни понять, ни познать их до конца не можем. И за это нельзя осуждать человека, ибо он тут ни при чем: таким создала его природа, то есть Бог, пожелавший лишить нас на земле этого света; рассуждать же о том, почему Он так поступил, было бы самонадеянно. Таким образом, нельзя меня осуждать, если мои размышления отчасти увлекли меня в ту область, где воображение не поспевало за разумом, и я переставал многое понимать. Нашему дарованию в каждом его проявлении положен предел не нами самими, а природой; и нужно помнить, что границы нашего дарования более широки в области (мышления), чем в области слова, а в области слова шире, чем в области жестов. Вот почему, если наша мысль, причем не только та, которая не достигает совершенного познания, но также и та, которая его достигает, сильнее слова, мы тут ни при чем и осуждать за это следует не нас. И потому я не скрываю, что хочу себя оправдать, когда говорю: «Виновны слабый разум наш и страх. / Как передать словами разговора / Обычного свидетельство Амора?» – ведь необходимо отдать себе ясный отчет в наличии доброй воли, которую всегда надлежит уважать в людях. Так отныне и должно понимать первый основной раздел этой канцоны, которая давно уже переходит из рук в руки.

V.

После того как раскрыт смысл первого раздела, надлежит перейти ко второму; для удобства этот раздел надо разбить на три части, по числу строф, его составляющих. В первой части я возвеличиваю эту благородную даму в целом, прославляя как душу ее, так и тело; во второй я перехожу отдельно к восхвалению ее души; в третьей – тела. Первая часть начинается со слов: «Светило, обходя небес простор...»; вторая – «В нее нисходит благодать Творца...»; третья – «В ее явленье радость всех времен...». Эти части и надлежит обсудить по порядку.

Итак, канцона гласит: «Светило, обходя небес простор...» Здесь для совершенного понимания надо знать, как Солнце вращается вокруг всего мира. Под миром я разумею не всю Вселенную, а лишь ее часть, занятую землей и морем, которую, согласно обычному словоупотреблению, принято называть земноводной; поэтому, когда говорят, что «этот человек видел весь мир», имеют в виду земноводную его часть. Пифагор и его последователи утверждали, что наш мир – одна из звезд, которой противостоит другая такая же, называемая ими Антихтоной; по мнению Пифагора, обе они заключены в сферу, вращающуюся с запада на восток; благодаря этому вращению Солнце вращается вокруг нас и бывает то видимым, то невидимым. В середине этой сферы находится огонь, как тело более благородное, чем вода и земля, поскольку, по мнению Пифагора, середина – самое благородное из мест, занимаемых четырьмя простыми телами; а потому он и утверждал, что, когда кажется, будто огонь поднимается, он на самом деле опускается к середине. Платон же был другого мнения и написал в одной из своих книг, озаглавленной «Тимей», что суша вместе с морем находится в середине всего, но что земноводный шар вращается вокруг своего центра, следуя первоначальному движению неба; однако вследствие плотности своей материи и огромнейшего расстояния, отделяющего его от звезд, этот шар вращается медленнее. Названные мнения опровергаются как ложные во второй книге «О небе и Вселенной», написанной тем славным Философом, которому природа больше других раскрывала свои тайны; в своем труде он доказывал, что этот мир, то есть Земля, сам по себе неподвижен на веки вечные. В мои намерения не входит перечислять здесь основания, приводимые Аристотелем для посрамления инакомыслящих и для утверждения истины, ибо вполне достаточно для тех, к кому я обращаюсь, знать, положившись на великий авторитет Философа, что наша Земля неподвижна и не вращается и что она вместе с морями – центр звездного неба.

Небо же, как мы видим, непрерывно обращается вокруг этого центра и в своем обращении непременно должно иметь два неподвижных полюса и одну окружность, равноотстоящую от этих полюсов, которая имела бы самый большой оборот. Один из этих полюсов, а именно северный, видим почти всему океану, другой же, южный, невидим. Окружность, предполагаемая между этими двумя полюсами, есть та часть неба, под которой проходит Солнце, когда его путь лежит между Овном и Весами. Поэтому следует знать, что, если бы камень мог упасть с Поляр-